

Н. Д. МАРКИНА
ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРИДЕЛОВ
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА В 60-х ГОДАХ XVI ВЕКА

Домовый великокняжеский храм — Благовещенский собор, построенный псковскими мастерами в 1489 году, первоначально был небольшим трехглавым храмом, окруженным галереями¹. Свой живописный девятиглавый облик он приобрел во второй половине XVI века².

Еще в дореволюционной литературе установилась традиционная точка зрения, что изменение облика собора связано с ремонтно-восстановительными работами, вызванными пожаром 1547 года. Считалось, что именно тогда были перекрыты галереи собора и на них по углам возведены приделы — «небольшие церкви об одной главе»³. При этом дореволюционные авторы не приводили аргументацию в подтверждение своего положения и не ссылались на источники. В работах советских исследователей вопрос о сроках постройки приделов не затрагивался. Исключение составляют лишь несколько работ, авторы которых придерживаются традиционной точки зрения⁴.

Однако в источниках о новом строительстве в Благовещенском соборе непосредственно после пожара ничего не сообщается: «...церкви и палаты на своем дворе велел (царь Иван IV.—*Н.М.*) поделывать, что от огня распалось и хоромы деревянные ставити»⁵ — сообщает Никоновская летопись 20 апреля 1547 года о ремонте того, что разрушилось во время пожара, и о постройке нового деревянного дворца.

В 60-х же годах XVI века летописи отмечают значительные работы в соборе: поновляется стенопись⁶, создаются новые циклы росписей⁷, украшается окладами иконостас⁸. В это же время приводятся сведения о возведении четырех верхних приделов собора — маленьких бесстолпных одноглавых капелл⁹.

Во время этого же строительства, согласно исследованиям Н. Виноградова, древнее трехглавое завершение собора было дополнено с западной стороны двумя новыми глухими главами¹⁰.

Строительство 60-х годов XVI века вряд ли можно считать продолжением восстановительных работ в соборе, вызванных пожаром 1547 года. Трудно допустить, что в главном великокняжеском храме сравнительно небольшая постройка велась девятнадцать лет, с 1547 по 1566 год (время освящения последнего придела), тогда как строительство всего собора вместе с разборкой старого здания заняло семь лет (1482—1489), а строительство одного из монументальнейших памятников грозненского времени — собора Покрова на Рву — шесть лет (1555—1561). Вероятнее всего, что ремонтные работы после пожара 1547 года и строительство 60-х годов с возведением верхних приделов — два совершенно самостоятельных этапа в истории памятника.

Летописные сообщения 60-х годов XVI века указывают на определенную последовательность в сроках строительства приделов Благовещенского собора.

27 января 1564 года освящены приделы, получившие названия Собора архангела Михаила¹¹ и Собора богородицы¹², в ноябре 1564 года — придел Василия Кесарийского¹³, в декабре 1566 года — придел Входа в Иерусалим¹⁴. Следовательно, первые два придела — Собора богородицы и Собора архангела Михаила — возводились одновременно, в один строительный сезон 1563 года. На возведение придела Василия Кесарийского ушел строительный сезон 1564 года. О строительстве придела Входа в Иерусалим данных нет. Известно лишь, что освящение его состоялось в декабре 1566 года. Таким образом, постройка приделов, происшедшая в 1563—1566 годах, значительно отдалена по времени от ремонтных работ после пожара 1547 года.

Окружив центральный объем здания небольшими отдельно стоящими приделами-церковками, зодчие середины XVI века принципиально изменили первоначальный идейно-художественный замысел памятника. Причины этого нового строительства, по-видимому, надо искать в общественно-политической жизни Московского государства и царского двора 60-х годов XVI века.

Утратив стройный силуэт и гармоничное равновесие интерьера и внешнего облика небольшого московского храма конца XV века, Благовещенский собор приобрел живописную парадность, свойственную памятникам архитектуры грозненского времени, стал своеобразным монументом, представляющим на Соборной площади от великокняжеского дома, подчеркивающим значимость нового положения московского государя — «царя всея Руси».

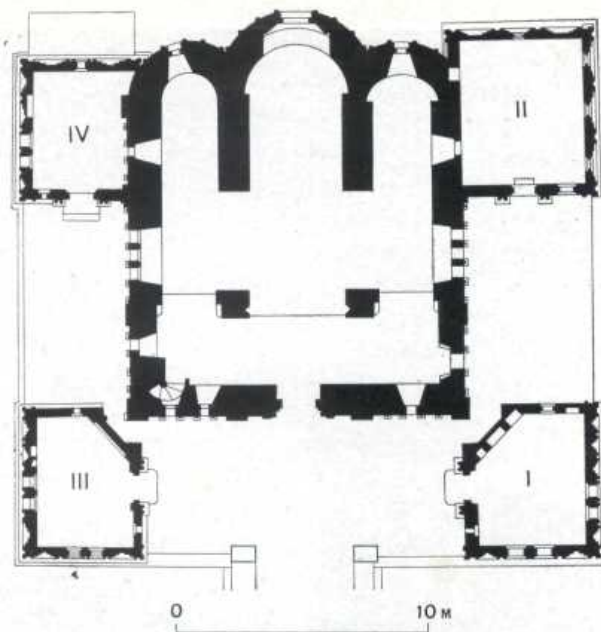
Утверждение абсолютной власти монарха было одним из важнейших моментов внутренней и внешней политики Ивана IV с начала 60-х годов XVI века. В 1561 году Иван Грозный получает официальное признание своего царского титула от Константинопольского патриарха, подтвержденное собором православных духовных владык¹⁵, и это дает ему законное право еще и еще раз заявить о себе как о «самодержце всея Руси». В посланиях 60-х годов Иван IV постоянно подчеркивает полную неограниченность своей власти, называя себя «самодержцем», и свои права на самодержавие он обосновывает тем, что русские государи «ни кем не посажены», «государи коренные», ведущие свое происхождение от Августа — императора Римского¹⁶.

Особенно характерно в этом плане послание на «епистолию» бежавшего в Литву князя Курбского, написанное царем в июле 1564 года¹⁷.

Идея исторически сложившейся московской монархии, официально освященной церковью, красной нитью проходит в составленной в эти годы (1563—1564) «Книге степенной царского родословия». Она же утверждается в тогда же появившейся росписи Архангельского собора Московского Кремля¹⁸. В ряду этих мероприятий стоит и устройство в дьяконнике Архангельского собора «царской усыпальницы», особо выделенной в некрополе Московского правящего дома¹⁹. И вполне закономерно, что в эти годы могла появиться у Ивана IV мысль о новом строительстве в Благовещенском соборе — главном царском храме, вынесенном на Соборную площадь. Рядом с монументальными постройками Успенского и Архангельского соборов небольшой по размерам великокняже-

1. Общий вид Благовещенского собора

2. План Благовещенского собора на уровне верхних приделов: I — придел Вход в Иерусалим. 1566; II — придел Василия Кесарийского. 1564; III — придел Собор богородицы 1564; IV — придел архангела Михаила. 1564.

ский храм XV века мог показаться недостаточно представительным первому русскому царю.

Более полное и точное объяснение причин сооружения верхних приделов Благовещенского собора требует наиболее подробного рассмотрения ряда исторических обстоятельств и событий 60-х годов XVI века, которыми могло быть вызвано это строительство.

Вопрос о признании иностранными державами титула царя за Иваном IV после его венчания не был решен окончательно²⁰. Не все европейские державы сразу признали первого русского титулованного монарха. Особенно этому противилось Польско-Литовское государство²¹. В признании этого титула Литва видела утверждение прав русского государя на те земли, которые в период феодальной раздробленности попали в ее руки. В России же не скрывали, что земли, в том числе и киевские, перешли во владение русских государей от предков, по наследству, и по праву принадлежат только им. «Эти обоснования прав на земли Киевского государства, — по словам Р. Дмитриевой, — были связаны общей исторической аргументацией с притязаниями Ивана IV на царский титул»²².

Борьба с Польско-Литовским государством была не только политической, но и военной. Признание титула «царя всея Руси» было равносильно признанию прав Москвы на собиране всех русских земель, в том числе и тех, которые находились еще в составе Польско-Литовского княжества.

В 1558 году русское государство открыло военные действия против Литвы, а в 1562 году Иван IV начинает готовить поход на Полоцк — одну из древних русских «отчин» находившихся под властью литовского князя и имевших важное стратегическое значение.

Летописец подробно описывает подготовку и проведение Полоцкого похода. Иван IV, выступая «во оборону за исконивечную цареву и великого князя вотчину Вифлянскую землю», объяснял причину похода тем, что его «царское имя, что ему государю дал бог, обрел от прародителей извечную свою стариною, и король того имени сполна не описует»²³.

Вместе с грамотой о признании царского титула Ивана IV от Константинопольского патриарха Иоасафа приходит послание митрополиту Макарию, обличающее «злословимую и пагубную люторскую ересь». «И есть в ваших странах в Малой Руси некие отпадоша в погибель, в злослужение люторско... и вредили не токмо себе и неведущих губят и прельщают инех...»²⁴.

Этот момент сыграл определенную роль в идеологической подготовке и проведении похода — русский царь выступает как защитник чистоты религии от всего православного мира, еще раз утверждая значение Москвы — нового центра православия «нового града Константина». Иван IV отправляется в поход «наипаче же горя сердцем о святых иконах и о храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергше»²⁵.

Идеи, столь значимые для утверждающегося русского централизованного государства, определенным образом отразились в особом почитании и возвышении ряда древних христианских культов. Особое внимание накануне и во время проведения Полоцкого похода получает один из самых почитаемых на Руси христианских культов — культ богородицы.

При Иване IV поклонение «пречистыя заступницы» становится популярно уже в 50-х годах, в результате взятия Казани, пришедшегося на день Покрова богородицы. Сооруженный в память этой победы собор Покрова на Рву как бы утверждает важность покровительства богородицы для Московского государства.

Готовя новый военный поход, царь и митрополит просят «заступницу», чтобы «дом пречистыя Богородицы — град Москву и вся живущая в них, и вся грады государства его от всякого злого навета сохранить»²⁶.

Естественно, что при столь акцентированной в связи с этими событиями значимости богородичного культа особую важность приобретает поклонение древним богородичным иконам: Владимирской, Смоленской, Донской...

Почитание каждой из них было освящено традицией, связывалось с определенным кругом идей, ставших теперь особенно актуальными для московского государства. Поклонение царя перед походом одной из самых почитаемых святынь Руси — иконе богородицы Владимирской — было традиционным. Но не менее важным для Ивана Грозного было обращение к другой древней иконе — Смоленской Одигитрии — издавна непосредственно связанной с политикой московских князей в отношении западных «отчин». При отце Грозного — Василии III был установлен праздник в честь Одигитрии Смоленской после присоединения к Москве Смоленска — древнего русского города, захваченного Литвой²⁷. Почитание при Грозном обеих святынь освещает древность и преемственность основных моментов политики московского царя.

Однако, как следует из повествования летописца, главной своей покровительницей во время Полоцкого похода Иван IV избирает икону Донской богородицы, связанную с его первым победоносным казанским походом и с именем особо почитаемого предка царя, «победившего безбожных агарян», — Дмитрия Донского.

Первый раз летопись сообщает об иконе Донской богородицы в 1552 году, когда перед выступлением на Казань из Коломны (здесь собирались русские войска перед решающим походом) «приходит государь в церковь Успения Пречистые припадает ко образу Пречистыя, иже на Дону была с прославленным великим князем Дмитрием Ивановичем и молит со слезами на мног час»²⁸. Теперь, одиннадцать лет спустя, Иван Грозный вновь обращается к своей чудотворной покровительнице, которая с «прародителем его великим князем Дмитрием победила безбожного Мамаю на Дону»²⁹. Грозный вызывает в Москву Коломенского епископа Варлаама с иконой Донской богородицы и «изволи же с собой (в поход) царь и великий князь взяти непобедимую, чудотворную икону пречистые Богородицы сиречь Донская»³⁰.

Последовательно отражая все события Полоцкого похода, летописец ни на минуту не выпускает из вида икону «пречистые Богородицы». В Луках, на последней остановке русских войск перед штурмом Полоцка, царь совершает молебен у «чудотворного образа». После же победы над Полоцком—16 февраля 1563 года — первой в покоренный город вносят «непобедимую воеводу — Донскую богородицу... повеле же царь Коломенскому владыке Варламу и всему освященному собору идти во град Полоцк с пречудным образом пречистыя Богородицы Донские»³¹. Следом за торжественным шествием духовенства с иконой вступает в город сам царь с победоносным войском. Об особом почитании Донской богородицы в этом походе свидетельствует и то, что в главном соборе Полоцка — Софийском при торжественном богослужении в честь победы «действова же Коломенский епископ Варлам»³², хранитель иконы Донской богородицы.

Показательно, что полоцкая победа праздновалась не менее торжественно и широко, чем в свое время победа над Казанью.

Триумфально возвращается в Москву русский царь, разослав во многие города гонцов с вестью, что «Бог вотчину нашу город Полтеск нам в руки дал», и с повелением «по городам протопопам с братнею пети молебен з звоном»³³.

Это было весной 1563 года, а уже в январе 1564 года мы читаем летописное сообщение об освящении двух новых приделов Благовещенского собора. Тесная связь празднования Полоцкой победы со строительством особенно ясно выявляется в посвящении приделов: одного — в честь архангела Михаила (Собор архангела Михаила) — небесного архистратига, традиционного покровителя русского- воинства, и другого — в честь богородицы (Собор богородицы)— непосредственной покровительницы царя в Полоцком походе. Чтобы подчеркнуть значимость места, которое занимал Благовещенский собор в этих событиях, при главном входе в него «от площади» создали особый живописный цикл. Его тематика и символическое значение были тесно связаны с идеями

этого времени. Как сообщает летопись, летом 1564 года, вскоре после освящения приделов, «повеле государь и великий князь подписати у Благовещения паперти за дверьми над лестницею, от площади»³⁴, то есть речь идет о росписи при северном входе в галерею собора.

Плохая сохранность этого фрескового цикла³⁵ позволяет в настоящее время говорить только о сюжетном составе росписей и осторожнее — об иконографической схеме композиций. Этот цикл состоит из семи композиций, содержащих две темы: прославление богородицы и архангела Михаила, то есть они непосредственно связаны с посвящением только что возведенных приделов собора. Главная тема этих росписей — прославление богородицы — разветвляется в пяти композициях: «что те принесем Христе» — наружная фреска в центральной арке над входом и четыре сцены из Акафиста богородицы — на сводах притвора.

Центральная фреска цикла — композиция «что те принесем Христе». Этот сюжет, прославляющий богородицу, — редкий в росписи русских храмов. В Благовещенском соборе фреска отличается повествовательностью — помимо традиционного ядра этой композиции Собора богородицы здесь присутствует целый ряд новых персонажей: праотцев, пророков, сивилл. По своему сюжетному составу наша композиция близка к фреске Успенского собора в городе Свияжске (1558). Любопытно, что в обеих композициях — Благовещенского собора и в Свияжске — есть изображение Иоанна Предтечи, тезоименного святого патрона первого русского царя, тогда как в более ранней фреске Ферапонтова монастыря (1500—1502) и в более поздней — Рождественского собора Суздаля (середина XVII в.) этот святой отсутствует.

Тема прославления богородицы продолжается в композициях из Акафиста на четырех распалубках свода притвора.

Для иллюстрации выбраны четыре строфы Акафиста, содержащие основные ключевые моменты прославления богородицы в этом гимне:

1. Икос 4 «Слышаша пастырие...» Во фреске, как и в тексте, славится Мария, даровавшая миру искупительную жертву, исполнительница божественного предопределения, связующее звено «неба и земли». Фигура Христа на коленях богородицы заменена в нашей композиции агнцем — «Символом искупительной жертвы». Схема этой композиции близка к другой, прославляющей богородицу, — «О тебе радуется».

2. В иконе 6 «Воссиявый во Египте» — Мария славится, как несущая миру новую, истинную веру.

3. В иконе 12 богородица выступает как оплот новой церкви: «Поющие твоё рождество хвалим тя вси яко одушевленный храм...»

4. Кондак 13 «О всепетая мати...» содержит моление к богородице о покровительстве и о защите в день Страшного суда.

В нашем фресковом цикле второй половины XVI века художник не ограничивается иллюстрацией повествовательной части акафистного стиха, он стремится изобразительными средствами передать его богословскую символику, заключенную в уподоблениях и метафорах («радуйся — апостолов немолчная уста», «радуйся — покров миру»).

Теме архангела Михаила посвящено две композиции: одна на стене притвора — «Явление архангела Михаила Иисусу Навину и взятие

Иерихона», другая — «Собор архангела» на северном фасаде собора, под приделом архангела Михаила.

Летом 1564 года помимо создания фресковых циклов в соборе продолжается строительство верхних приделов.

В ноябре 1564 года летопись сообщает об освящении нового придела— Василия Кесарийского³⁶.

Придел Василия Кесарийского был устроен еще в старом соборе XIV века в честь тезоименного святого великого князя Василия Дмитриевича, строителя Благовещенского собора³⁷. В 1489 году придел перенесен во вновь отстроенный при Иване III собор. По всей вероятности, его устроили в дьяконнике собора. В маленькой великокняжеской церкви конца XV века трудно было найти более удобное место для устройства придельного престола. Это подтверждает и тот факт, что, расписывая в 1508 году стены собора, мастер Феодосии «с братией» посвящает фресковый цикл дьяконника св. Василию Кесарийскому.

Сохраняя эту древнюю традицию — идею патронального освящения придела, Иван IV переносит его в только что отстроенную верхнюю юго-восточную церковку — придел.

В декабре 1566 года в соборе освящается последний придел—Вход в Иерусалим. Праздник «Вход в Иерусалим» отмечается торжественным шествием в Кремле уже при Иване III (конец XV в.). Именно это шествие, как доказала М.В. Щепкина, изображено на пелене Елены Волошанки 1498 года³⁸. На пелене изображен крестный ход двух процессий: одной — великокняжеской из Благовещенского собора, другой — митрополичьей из Успенского.

Для нас особенно важен следующий вывод М.В. Щепкиной:

«Каков бы ни был замысел картины, но по существу она передает не столько церковное празднество, сколько чисто светское торжество княгини Елены Стефановны, ее сына Дмитрия и всех их сторонников, связанное с венчанием Дмитрия-внука»³⁹, то есть для передачи этого торжества, связанного с первым в русской истории венчанием шапкой Мономаха, использован праздник «Вход в Иерусалим».

Праздник «Вход в Иерусалим» значит в церковной литературе, в соответствии с текстом, встречающимся в Евангелии от Матфея, и библейским пророчеством Захарии, как «царский вход Господа в Иерусалим»: «Всеобщее служение, поклонение и преданность сопутствуют Христу во время этого хода. В Иерусалиме Христос входит в церковь, и здесь его царская власть является в безропотной покорности ему продающих и покупающих, которые по его воле тотчас удаляются из храма. Все повиновалось и служило Иисусу Христу при последнем его входе в Иерусалим как своему творцу, Господину и Царю»⁴⁰.

При Иване Грозном празднование «Входа в Иерусалим» становится особо почитаемым и торжественным со времени победного похода на Казань (1552). В литературе уже отмечалось, что этот «праздник земной славы Христа был использован как символический намек на то, что пережило население Москвы при возвращении в столицу русских войск во главе с царем, и что столь образно описано в повести о Казанском взятии»⁴¹.

В 1561 году освящается собор Покрова на Рву — памятник этой победы, и в нем придел Вход в Иерусалим — единственный, непосредственно не связанный с событиями взятия Казани. Он является как бы символом военной победы Грозного, его борьбы за чистоту православной церкви и как бы намеком на его царское достоинство.

Очевидно, в XVI веке, как утверждают П. Строев и И. Забелин, крестный ход во время празднования «Вход в Иерусалим» дополняется театрализованным «шествием на осляти». Как и в XV веке, шествие начиналось двумя процессиями из митрополичьего Успенского и царского Благовещенского соборов, затем, соединившись, обе процессии направлялись к собору Покрова на Рву на Красной площади. Сохранились известия о проведении этого праздника в начале XVII века⁴².

И. Е. Забелин пишет: «Ход останавливается у Покровского собора лицом к востоку, Государь и Патриарх идут в соборный придел Вход в Иерусалим. В приделе собора на государя возлагаются царские одежды: крест, диадима (бармы, оплечье), царская Мономахова шапка, царские платно и порфира. Вместо посоха, на который он опирался во время хода, ему подавали царский жезл златокованный»⁴³.

Затем царь и патриарх входили на богато убранное Лобное место, где лежали евангелие, иконы Иоанна Предтечи (св. патрона Грозного), чудотворца Николая и богородицы Казанской. Здесь патриарх благословлял кресты и образы, отпускал их в Успенский собор, подносил царю вайи (пальмовые ветви — символ победы) и вербу. Затем патриарх садился на «осляти», царь держал «осляти» за повод, и вся процессия направлялась в Кремль, в Успенский собор. У Успенского собора патриарх, благословив государя, отпускал его в свой дворцовый храм — Благовещенский собор, где царь слушал праздничную литургию.

Уже в самом установившемся ритуале как бы демонстрировалась значимость царского титула, союз светской и церковной власти. Установившийся уже, по видимому, в середине XVI века порядок ритуала-шествия, начинавшегося и заканчивавшегося для царя в Благовещенском соборе, важность этого праздника для первого московского государя заставляют освятить четвертый придел дворцового царского храма в честь праздника «Вход в Иерусалим». В местном ряду иконостаса этого придела, написанного в те же годы, рядом с иконой «Вход в Иерусалим» помещают икону тезоименного св. патрона Ивана Грозного — Иоанна Предтечи, как бы иллюстрируя связь идей и событий.

Помимо этих общегосударственных идей освящение придела сохраняет непосредственную связь с Ливонской военной эпопеей. Летом 1566 года собирается Земский собор, где решаются вопросы, связанные с Ливонской войной. «Собор» проголосовал за продолжение войны. Несмотря на ряд неудач, Иван IV имел все основания надеяться на успешное завершение Ливонской войны и достижение конечной цели—присоединения Риги и выхода к Балтийскому морю. Освящением придела Вход в Иерусалим Грозный как бы подчеркивает свои победные устремления и связь этого христианского праздника с его воинской славой. Любопытно, что на освящении придела присутствовали Афанасий, архиепископ Полоцкий, весь священный собор и царь Иван Васильевич.

Вероятно, ко времени устройства приделов в Благовещенском соборе относится и установление иконы Донской богородицы в местном ряду Благовещенского собора, слева от царских врат (если стоять лицом к иконостасу)⁴⁴, а с чудотворной иконы Смоленской богородицы XV века сделано два списка в размер: один установлен в только что освященном приделе Собора архангела Михаила, другой — в соборе Ново-Девичьего монастыря.

Во время Казанского похода, как отмечает Е.С. Сизов⁴⁵, в установленном ряду покровительствующих святых подчеркивалась роль архангела Михаила и помощь великокняжеских предков, что ставило Архангельский собор в непосредственную связь с этими событиями и заставило первого русского царя и митрополита освятить новый придел Покрова богородицы в великокняжеской усыпальнице. Аналогичное явление происходит и после Полоцкого похода: тот факт, что в событиях 1562—1563 годов акцентировался культ богородицы, а также пристальное внимание царя к своему домовому храму в эти годы заставляют его отметить победу освящением приделов в Благовещенском соборе. И вполне вероятно, что, как и в первом случае, строительство этих приделов стало как бы первым этапом «благодарения». Спустя семь лет после освящения придела Архангельского собора воздвигнут монументальный памятник победы — собор Покрова на Рву. При благоприятном исходе так удачно начавшейся Ливонской эпопеи можно было бы ожидать также крупных строительных работ, но успех больше не сопутствовал Ивану IV.

Освящением приделов Благовещенского собора в честь Полоцкой победы Грозный продолжает традицию отмечать военные победы поставлением новых храмов и приделов. С этой традицией связан Похвальский придел Успенского собора, Смоленский собор Ново-Девичьего монастыря, Покровский придел Архангельского собора (по предположению Е.С. Сизова) и собор Покрова на Рву⁴⁶.

Домовая церковь великих князей московских — Благовещенский собор — не была в стороне от военных традиций русского государства. В соборе хранилась икона Смоленской богородицы Одигитрии, покровительствовавшая Василию III во время Смоленского похода. После перенесения иконы в отстроенный собор Ново-Девичьего монастыря, в день ее празднования, из Благовещенского собора Кремля в Смоленский собор Ново-Девичьего монастыря направлялся торжественный крестный ход. Об этом свидетельствует и то, что протопоп Благовещенского собора, Андрей, духовный наставник царя, сопровождал его в Казанский поход, и им была освящена в покоренном городе первая православная церковь — Благовещения (деревянная).

Поставлением в Благовещенском соборе Кремля приделов в честь богородицы и архангела Михаила Грозный продолжает традицию «благодарения» святых, покровительствовавших во время похода, кроме того, это строительство совпадает с желанием царя в эти годы подчеркнуть значимость своего придворного храма, «уравнять» его с древними общегосударственными соборами Успенским и Архангельским.

Строительство приделов в Благовещенском соборе в 1563—1566 годах принципиально изменило художественный облик памятника, заставило его по-новому звучать в ансамбле Соборной площади. Возникновение новых приделов приоткрывает интересные страницы истории жизни собора и всего Московского государства.

Хорошо сохранившиеся внутренние помещения приделов с резными белокаменными полами и комплексы иконостасов 60-х годов XVI века позволяют восстановить интерьеры этих интересных памятников культуры Руси времени Иоанна Грозного.

¹ О времени сооружения крытых галерей Благовещенского собора существует две точки зрения. Первая была выдвинута дореволюционными исследователями, считавшими, что галереи перекрыли в середине XVI в. непосредственно перед возведением верхних приделов (см.: Н. Снегирев, Благовещенский собор Московского Кремля, М., 1854, стр. 14; Н. Извеков, Московский придворный Благовещенский собор, М., 1911, стр. 7; Н. Скворцов, Археология и топография Москвы, М., 1913, стр. 313). Этому же мнению придерживается в своей работе советский исследователь Н. Виноградов (см.: Н. Виноградов, Новые материалы по архитектуре древней Москвы. — «Сообщения института истории искусств АН СССР», вып. 1, М.—Л., 1951, стр. 78).

Вторая точка зрения выдвинута в докладе на научной сессии Музеев Московского Кремля в марте 1966 г. главным архитектором Музеев Московского Кремля В. И. Федоровым. Он считает, что галереи были сооружены одновременно с постройкой собора в 1484—1489 гг. В пользу этой точки зрения, вероятно, свидетельствует и тот факт, что летописи, называя целый ряд работ, проводившихся в соборе в годы возведения приделов (1563—1566), таких, как росписи паперти, поновление стенописи, изготовление новых окладов, умалчивают о такой значительной работе, как возведение галерей.

² Н. Виноградов, Новые материалы по архитектуре древней Москвы, стр. 69—78.

³ Н. Снегирев, Благовещенский собор Московского Кремля, стр. 14; Н. Извеков, Московский придворный Благовещенский собор, стр. 7; Н. Скворцов, Археология и топография Москвы, стр. 312—313.

⁴ Советские исследователи, как правило, дают одну дату освящения верхних приделов 1563—1564 гг. (см.: Н.Е. Мнева, Стенопись Благовещенского собора Московского Кремля 1508 года. — «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв.», М., 1970, стр. 174; М.А. Ильин, П.Н. Максимов, Памятники зодчества эпохи расцвета Москвы. — «История русского искусства», т. III, М., 1955, стр. 322; В.И. Шередега, К вопросу о взаимодействии каменной и деревянной архитектуры в русском зодчестве XVI века. — «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв.», стр. 460; А. Гончарова, О. Зонова, А. Хамцов, Древние соборы Кремля, М., 1960, стр. 154, Г.С. Соколова. Материалы для экскурсии по выставке «Древнерусская живопись XII—XVII веков» в музее «Благовещенский собор». — «Методические пособия к экскурсиям по музеям Московского Кремля», М., 1971, стр. 83.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 154.

⁶ Там же, стр. 404.

⁷ Там же, стр. 385.

⁸ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 404; РИБ, т. III, Спб., 1876, стб. 282.

⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377, 390, 405; РИБ, т. III, стб. 205, 206, 243—244, 285.

¹⁰ Н. Виноградов. Новые материалы по архитектуре древней Москвы, стр. 72, 78.

¹¹ В начале XVII в. придел переименован в Собор архангела Гавриила и под этим названием известен в литературе. См.: И. Забелин, Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, т. I, М., 1884, стр. 225.

¹² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377; РИБ, т. III, стб. 205—206.

¹³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 390; РИБ, т. III, стб. 243—244.

¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 405; РИБ, т. III, стб. 285.

¹⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 334.

¹⁶ Р. Дмитриева, Сказание о князьях Владимирских, М.—Л., 1955, стр. ПО—156.

¹⁷ «Послания Ивана Грозного», М., 1961, стр. 314.

¹⁸ Е. Сизов, Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — «Древнерусское искусство. XVII в.», М., 1964, стр. 172—174.

¹⁹ Там же, стр. 162—166.

²⁰ Р. Дмитриева, Сказание о князьях Владимирских, стр. 113—117.

²¹ Там же, стр. 137—140; В. Королюк, Ливонская война, М., 1954; «История СССР», т. 2, стр. 183.

²² Р. Дмитриева, Сказание о князьях Владимирских, стр. 140.

²³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 346.

²⁴ Там же, стр. 334.

²⁵ Там же, стр. 349.

²⁶ Там же, стр. 347.

²⁷ Кроме культа богоматери во время подготовки к Полоцкому походу особо выделяются культы первых русских святых Бориса и Глеба и архангела Михаила (см.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 341, 346). В связи с тем, что главным храмом Полоцка был Софийский собор, знаменательно обращение Грозного к храму св. Софии Новгородской, где служится литургия о победе русского воинства и откуда царь накануне штурма получает образ Софии Премудрости Божией вместе с посланием новгородского епископа Пимена (см.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 350—353).

²⁸ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 192.

²⁹ Там же, стр. 346.

³⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 346.

³¹ Там же, стр. 347.

³² Там же, стр. 348.

³³ Там же, стр. 360.

³⁴ Там же, стр. 385.

³⁵ АМК. Отчет о реставрации фресок Грозненской галереи Благовещенского собора в 1963 г. Сохранность древней штукатурки 25 процентов.

³⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 404.

³⁷ Г. Вздорнов, Благовещенский собор, или придел Василия Кесарийского.— «Советская археология», 1966, № 1.

³⁸ М. Щепкина, Изображение исторических лиц в памятниках шитья XV века, М., 1951, стр. 17. Пелена хранится в ГИМ.

³⁹ Там же, стр. 17.

⁴⁰ Филарет (Гумилевский), Жития святых... март, Спб., 1892, стр. 269.

⁴¹ «История русского искусства», т. III, стр. 460.

⁴² «Выходы царей Михаила, Алексея, Федора с 1632 по 1682 г.», М., 1844, стр. 30—32.

⁴³ И.Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1, М., 1872, стр. 348—356.

⁴⁴ О времени установления иконы Донской богородицы в местном ряду иконостаса Благовещенского собора существует две точки зрения. Согласно первой, икона попала в собор после взятия Казани в 1552 г. (см.: И. Снегирев, Древности государства Российского, М., 1849). Согласно второй, во время нашествия Казы-Гирея в 1591 г. она переносится в Москву из Коломны по инициативе Бориса Годунова (см.: В. Антонова, О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове. — «Материалы и исследования», ГТГ, т. II, М., 1958, стр. 10—28. Думается, что Донская богородица была установлена в домовом царском соборе после Полоцкого похода Ивана IV, в течение которого особенно возросла популярность этой иконы,

⁴⁵ Е. Сизов, О происхождении Покровского придела Архангельского собора в Кремле. — «Советская археология», 1969, № 1.

⁴⁶ Там же.